

Евгений ПОПОВ,
Михаил ГУНДАРИН

МРАКОБЕС И ИМПЕРИАЛИСТ КАБАКОВ

Вот уже четыре с лишним года современная русская литература худо-бедно, но обходится без Александра Кабакова, автора короткой повести «Невозвращенец», с выходом которой он в одночасье стал богатым и знаменитым, причем не только в Советском Союзе, но и за его пределами. Мы рассказывали об этом выдающемся литераторе в шестом номере «Невы» за 2024 год. Предлагаем вашему вниманию еще одну главу из биографической книги о нем, которую только что закончили писатели Евгений Попов, многолетний друг Кабакова, и Михаил Гундарин, тонко чувствующий этого легендарного литератора. Они уже выпустили в соавторстве биографии Фазиля Искандера и Василия Шукшина, теперь настала очередь «опоздавшего шестидесятника» Кабакова, который любил фразу, приписываемую Черчиллю: «Кто в молодости не был революционером, не имеет сердца, кто к старости не стал консерватором, не имеет мозгов».

МЫ — ЭТО НЕ ОНИ

Можно спорить о Кабакове — писателе, публицисте и так далее. Но кажется, никто не может усомниться, что Александр Абрамович был человеком умным. Поэтому он — менялся. Его высказывания нулевых и 10-х годов едва ли понравились бы ему самому образца 90-х. Задолго до смерти он стал противником своих ультралиберальных взглядов и ультралиберальной тусовки, к которой был достаточно близок раньше (хоть и своим в доску не делался, но со стороны казалось, что он — свой). О собственном «мракобесии» Кабаков говорил охотно, как будто даже гордясь им. Да и тем гордясь, что он не в пресловутой тусовке, ни в общем строю не стоит, каким бы этот строй ни был.

Его книги нулевых далеки от оптимизма и веры в капиталистическое да и любое светлое завтра. Кабаковский опыт работы в ведущих медиа страны показал ему изнанку этого капитализма, этих «новых русских», какими бы благостными любителями

Евгений Анатольевич Попов родился в 1946 году. Писатель, драматург и эссеист, секретарь Союза писателей Москвы, один из основателей и вице-президент Русского ПЕН-центра. Автор более двадцати книг, переведенных на множество языков. Заслуженный работник культуры РФ, награжден орденом Дружбы.

Михаил Вячеславович Гундарин родился в 1968 году. Окончил факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. Преполагает в вузах, кандидат философских наук. Автор более 10 книг стихов и прозы, многочисленных литературно-критических статей и эссе. В соавторстве с Евгением Поповым написал биографии Ф. Искандера и В. Шукшина. Живет в Москве.

искусств они ни казались. Он видел, сколько несчастий принесли те годы простым людям — и уже поэтому не мог быть апологетом «свободы ради свободы», каким казался в 90-е. Наконец, как бы он ни отрицал демонстративно советскую эпоху, от себя не уйдешь: привитый с детства опыт гордости за державу испариться не мог, он должен был принять другую форму и направление, но остаться. В этом смысле молодые коллеги Кабакова такого опыта были лишены; ну а некоторые бессовестные ровесники писателя делали вид, что у них никогда такого опыта не было.

При этом Кабаков отстранялся и от демонстрации политической лояльности действующей власти, чем грешили многие из вдруг «прозревших» конформистов. Таков был его принцип, усвоенный с ранней юности: писатель должен стоять в стороне от правительства. Вот высказывание 2014 года. «Я не поддерживаю власть и не борюсь с властью. Я живу сам по себе. Я частный человек, сочиняю тексты. Поддерживать власть или не поддерживать власть — это, в сущности, одно и то же. Я просто доволен, что власть ко мне никакого отношения не имеет, и больше мне от нее ничего не нужно».

Конечно, звучит утопически. И, честно говоря, вряд ли сам Кабаков этого не понимал. Но принцип есть принцип, если даже его изложение звучит несколько наивно. Так же, как кабаковский монархизм, о котором он начал активно говорить в новом тысячелетии. Трудно представить, чтобы он радовался восстановлению на престоле династии Романовых. Его монархизм был не более чем абстрактным *credo*, традицией, имевшей в прошлом большое число сторонников, в том числе среди любимых Кабаковым писателей. Да он и сам, признавая это, сказал в 2016 году: «Я — глубоко убежденный монархист — при том, что я понимаю, что это невозможно, что династия прервана, — это испанцам повезло, у них династия не прерывалась. А здесь династия прервана, и любая попытка ее воссоздать приведет только в худшем случае к крови, а в лучшем — к посмешищу».

Вот несколько высказываний Кабакова середины нулевых — середины 10-х.

Когда я занимался журналистикой, то всегда стоял на позиции, от которой не отрываюсь и сейчас. Первое — что бы ни было в этой стране, это лучше, чем коммунизм.

Второе — не надо считать, что наша страна самая худшая и гордиться этим, как в советское время полагалось гордиться тем, что она самая лучшая. У нас нормальная страна, и ничего ужасного нет.

Что бы сейчас я ни сказал про власть, я окажусь на той или иной стороне, но ни с теми, ни с другими я находиться не хочу. Между тем, так не получится — все, что бы ты ни сказал, будет использовано той или иной стороной.

Это 2008 год.

Полагаем, такой пессимизм связан со многими вещами. Например, утратой широкого читателя. И дело даже не в продаже книг, тиражах — но в социальной опоре. Кабаков как-то очень резко (видно, это его серьезно волнует) говорит об исчезновении интеллигенции. «Интеллигенции больше нет. Она кончается, ее остатки несущественны. И в общем-то, слава богу. О какой интеллигенции вы говорите? Где вы видите людей, которые попадают под определение интеллигенции?» Это доминанта высказываний Александра Абрамовича его последних лет.

Другой лейтмотив его рассуждений — недовольство современной культурой и подчеркнутый антиамериканизм. Ну прямо точная антикопия воззрений юности!

Кабаков, впрочем, считает, что изменился не он. Изменилась культура. Изменилась Америка. И американская, шире — западная культура прежде всего.

Все художественные музеи ориентируются в сторону современного искусства. Оно в каком-то смысле все оппозиционное, левое, но оно ни на что не влияет в обществе. И не хочет влиять.

При этом оно направлено на разрушение культуры, как и сто лет назад. Вся современная культура разрушительная. В ней есть талантливые люди, есть и дутые фигуры.

Талантливые люди и прежде работали на разрушение того, что было до них в культуре. Иначе откуда могла бы появиться новая культура? Но раньше общество само хранило традиции, сама общественная жизнь была традиционной. Сейчас традиции разрушаются каждодневно.

Еще в 60-е годы, не то что сто лет назад, шпенглеровские разговоры о закате Европы казались преждевременными. Теперь мне кажется, что это было справедливое предвидение — западная христианская цивилизация, как и всякая цивилизация, оказалась склонной к самоубийству. Чем она сейчас и занимается...

Америка в первую очередь. Это очевидно и по культуре, и по общественной жизни. Политкорректность, которую я не устаю проклинать, есть способ разрушения цивилизации, основ, на которой она была создана.

Кабакова раздражали известные, описанные миллион раз черты западного мышления: стандартность, склонность к самым лютым стереотипам. Он издевательски писал о том, как иностранцы представляют нашу страну:

Многие не знают, чем отличается наша страна от других. Среди этих многих есть, конечно, несколько миллиардов иностранцев, уверенных, что Россия покрыта вечными льдами, сквозь которые с трудом пробиваются ростки клюквенного дерева, боеголовки советских ракет и нефтяные фонтаны. Посреди этой угрюмой, но величественной картины высится мавзолеум, где лежат рядом тела Лео Толстого, друга Ленина, и Федора Достоевского, великого русского поэта. А поверх всего тоталитарно, нарушая любые права человека, гремит музыка Петра Чайковского, замученного в ГУЛАГе, где не было никакой политической корректности, эбсолютли... Только не думайте, что в наше время массовой информации, текущей буквально из любой розетки вместе с электрическим током и сетевыми дневниками, что-нибудь сильно изменилось. Разве что к истинно русскому между классическим балетом и известным исключительно иностранцам тостом «на здоровье!» добавилась русская мафия, широко представленная в следственных тюрьмах Соединенных Штатов и Израйля, а также во Французских Альпах молодыми людьми с уже немодной трехдневной щетиной, рыжей или иссиня-черной и оттого совершенно библейской. Ничего другого нормальный иностранец, не славист и не работник спецслужб, про нашу с вами страну не знает и, главное, знать не хочет. А зачем ему? Картина мира сложилась, в ней нашлось место и общечеловеческим ценностям, и террористам, и правам некрофилов, и антиглобализму с глобализмом вместе, и России с ее загадочностью, состоящей в том, что национальные предпочтения склоняются не к легализации марихуаны, а к неведомому.

Ах, как хорошо сформулировано!

И вот еще одно важное высказывание — об отличии «нас» от «них». Коренным, непреодолимым отличием (а ведь на том, что «мы» — это «они», только похуже, строится вся либеральная повестка; это доходит до понимания «нас» как орков — ведь и орки по Толкиену «испорченные» эльфы). Либерализм, как его ни понимай, союзник глобализма. Нет, говорит, Кабаков, мы с ними — разные. И это принципиально. Буквально на уровне строения наших организмов. Что социального организма, что биологического.

Вот кабаковское интервью, данное журналу «Форбс» в 2016 году и поясняющее многое в его позиции. Начинается оно так:

У меня не просто репутация мракобеса, я и есть мракобес. Мне 73 года. И я успел стать таким. Это позволяет говорить более откровенно и не требует напряжения.

Эти несколько фраз, как нам кажется, вполне отражают реальное, не показное, умонастроение автора «Невозвращенца». Далее Кабаков обрушивается с критикой ни много ни мало на священную корову западного мировоззрения — здоровый образ жизни, долголетие...

Тема продолжительности жизни меня не особенно увлекает. Не понимаю, на хрена человеку продолжительность жизни? Как я сужу по своему мироощущению, человек должен жить столько, сколько ему интересно жить. И этот возраст у каждого свой.

Европейский образ жизни — много работать, много заниматься спортом, своей семьей, детьми, жить долго и счастливо — кажется нам очень привлекательным. Мы увлеченно подыгрываем всему, что видим в Америке и Европе. И то, что происходит у них, обязательно будет происходить здесь у нас. Стремление впрыгнуть на ходу в последний вагон поезда, идущего к пропасти, — наше национальное состояние. Может, разобрали давно рельсы и нас туда никто не зовет, и даже пытаются вытолкнуть, но нам надо в этот поезд попасть обязательно.

И вот появилась идея фикс: жить долго и счастливо. Что значит долго? Больше ста лет или к ста годам? Счастливо: иметь достаточно денег, чтобы поддерживать тот образ жизни, к которому привыкли, и с помощью психотерапевтов находиться в состоянии постоянного равновесия? Но я не хочу так жить. Прежде всего это идеал протестантов. Но я не протестант. Не хочу ничего сказать дурного, но, на мой взгляд, протестантизм — это христианство лайт. Я к этому направлению не принадлежу, я по-другому ощущаю жизнь. И для меня долгая такая жизнь — не безусловное счастье.

Если вы хотите серьезно наполнить жизнь, надо Богу молиться и жить правильно. Это совсем не гарантирует счастья, но быть несчастливым — это быть. А быть таким счастливым, у которого с зубами все в порядке и можно поехать на весенний дешевый сезон в Венецию, — это лучше не быть.

Россия — страна восточного христианства, она никогда не будет такой, как Голландия, никогда не будет такой, как Англия, никогда не будет такой, как Германия. Есть русский путь, он определен нашим православием. У нас не прививается европейский образ жизни, особенно образ жизни северо-западной Европы. У нас не моют подъезды, не ставят цветы в горшках, не бросают окурки в урны. У них — свои правила, у нас — свои правила, они в воздухе. Наши подъезды засраны прямо пропорционально количеству кандидатов наук, живущих в этих подъездах. Подъезды в России будут засраны всегда. Ну не все, но большая часть. В чистом, пахнущем дезодорантом для мытья полов, с цветами в горшках подъезде будет жить маленький французский служащий. И будет жить русский в эмиграции, когда он станет таким же, как все вокруг. Но здесь, в России, этого не будет.

«Если не жить правильно, то лучше не жить никак» — духовность в русском понимании. Жить правильно или не жить никак. Но как жить правильно, я не знаю. Хочу знать, но не знаю. Поэтому человек испытывает постоянное недовольство собой, страной, миром, другими людьми. Русскому человеку незачем мыть подъезды при такой интенсивной духовной жизни.

Пушкин вспоминается здесь: «Иная, лучшая, потребна мне свобода...» И Кабаков со всей страстью поясняет, какую свободу он имеет в виду, то есть какова его положительная программа:

Высшее качество жизни — это свобода жить как угодно или хотя бы думать как угодно. Это такая свобода, которая тебе же самому не мешает жить. Я знаю, что внутри меня существует свобода, которая позволяет жить так, как я считаю правильным. Это не значит, что я так живу. Но так можно жить. Теоретически. Вот когда человек обладает такой свободой — это высшее качество жизни. Он свободен на психологическом уровне. Ему не надо думать, экологически ли чистый он ест творог на завтрак, сколько километров в день пробежать-проплыть. Он не то чтобы живет как хочет, но он свободен внутри себя. И тогда ему интересно жить.

Подписываемся под каждым словом!

Здесь было сказано о религии. Да, как это не идет вразрез с неким расхожим представлением об Александре Абрамовиче. А к концу жизни он стал верующим человеком и — более того — приверженцем православия. Об этом знали его близкие друзья. Об этом он вполне отчетливо заявил и во всеуслышание, давая интервью православному журналу «Фома» в 2011 году.

Обратите внимание — он достаточно критичен по отношению к церковным властям, но совсем иначе говорит о вере.

Если священник или тем более церковный иерарх появляется на телевидении или в газете, то говорить он должен о самом главном, о спасении душ. Он не должен говорить о процентных ставках и продуктах-ГМО, и он не может начинать предложение фразой «Я по жизни...» — ему не позволяет этого его статус. Именно такие вещи разрушают не только почтение к духовенству, но и доверие к Церкви.

И вместе с тем он уверен, что «Церковь не может быть толерантной. Так же как интеллигенция обязана во всем сомневаться, Церковь обязана проповедовать свою веру, а значит иметь четкую позицию. Это не значит, что она обязана призывать к репрессиям и убийствам идейных противников, но Церковь должна уметь стоять на своем.

К слову, по законам современного толерантного общества Церковь имеет на это полное право, в смысле, на свою позицию. Но почему-то конкретно в отношении нее этот принцип не работает. Ей вообще запрещают иметь свое мнение по тем вопросам, по которым свободно высказывается абсолютно любой... В Церкви может быть терпимость к людям, но терпимость на уровне идей в ней невозможна. От нее требуют какой-то особой, „внутрицерковной демократии“, но Церковь — это иерархическая структура, какая уж тут демократия? Вот и получается, что она просто не вписывается в нынешние общественные стандарты.

Вообще в отношении к Церкви у интеллигенции существует какой-то двойной стандарт. С одной стороны, отрицается ее сакральная и священная природа, а с другой стороны, обвиняют ее как раз в недостатке святости. Церковь не святая? Ну, так и что — если вы все равно не верите в ее святость!»

Очень важный момент: с годами Кабаков стал крайне критичен, а временами и нетерпим по отношению к так называемой «интеллигенции». От которой у нас и сейчас-то трудно отделить эпитет «либеральная», а уж в конце 90-х — начале нулевых и подавно.

В общем, понятно, как он смотрел на коренные вопросы нашей жизни. Изъяснялся Александр Абрамович и по вопросам актуальной повестки — и чем дальше, тем все больше в антилиберальном духе.

Мне очень не нравится все, что произошло с бывшей Югославией. Ужасна вся эта история с конфликтом между албанцами и сербами. Ужасная история с натовскими бомбардировками. Ужасная история с гражданской, межэтнической и межрелигиозной войной, которая не прекращается, в сущности, в Косово. Там абсолютно бессовестно обращаются с сербами. Сербы отвечают, как могут. Вся эта история мне очень не нравится. Что будет, не знаю. Боюсь, что сербов понемногу из Косово вытеснят окончательно, и они, просто спасая жизни, уйдут.

Это было сказано в 2008 году. А четыре года спустя он выражался еще более определенно: «Движение к саморазрушению свойственно, видимо, любой цивилизации — развитие есть одновременно и умирание, только на ранних этапах это не очевидно. Мне представляется, что так было в античности, то же самое произошло в Египте и, вероятно, в древней Южной Америке. В последние десятилетия евро-христианская цивилизация проделала, как мне кажется, большой путь забвения и прекращения своих традиций, подверглись сомнению основные цивилизационные ценности, до неузнаваемости изменился образ жизни большинства людей в Европе и Северной Америке. Не давая оценки, констатирую только очевидный, по-моему, факт: политкорректность, став почти государственной и, во всяком случае, наиболее распространенной в западном мире идеологией, канонизировала ту модель общества, которая возникла в XX веке в Европе и Северной Америке, — буржуазные и демократические идеалы, либеральные взгляды и толерантное отношение к иному образу мыслей и жизни. Свобода стала основой для концепции так называемой мультикультурности, а она, в свою очередь, — теоретической основой для размывания этнического, религиозного и поведенческого образа западного мира... жесткие меры, думаю, уже не дадут результата — поздно, шлюзы открыты».

Сказано ярко, сказано резко — но справедливо, разве нет?

Об оценке украинских событий в 2014 году, которая его окончательно поссорила с пресловутой тусовкой, мы еще напишем. Но еще до 2014 года представления Кабакова сформировались вполне определенные. Ведь он и сам в Москву приехал из Днепропетровска, успев там отучиться, поработать, во многом сформироваться как личность. Захар Прилепин вспоминал: «...в 2013 году или в 2011-м мы выступали вместе в Киеве (или во Львове?) И у Кабакова была пресс-конференция. И молодой украинский журналист говорит: „А как вы относитесь к украинской независимости и вообще к Украине?“ Александр Абрамович иронически спрашивает у организатора: „А когда у меня поезд? Через час? То есть успею до вокзала доехать?“ — тот кивнул. И тогда Кабаков громко и внятно, чуть лукаво щурясь, произносит: „Я русский монархист. Я считаю, что никакой Украины нет. Есть Российская империя“». Эпатаж? Не без этого. Но и четкое *credo*.

И вот еще удивительный факт: Кабаков вдруг загрустил... по СССР! Ну да, с оговорками (мол, ГУЛАГ — это плохо, но не ГУЛАГом единым жила страна). Но все равно — загрустил! Свидетельством тому — отличная миниатюра «Маршрутка». История простая: детально описанные пассажиры подмосковной маршрутки, люди все неудачливые, невеселые, попадают в аварию и оказываются вроде как в раю. Смотрите, какой странный рай рисует нам Кабаков:

Они же все до единого верили в загробную жизнь, по разным описаниям представлявшуюся им разной, но верили! Даже подросток, который чего-то такое слышал про реинкарнацию и повелся на это. Не говоря уж о приезжих правоверных рабочих, старушке Татьяне Ивановне и грешных женщинах, которые, осознавая свои грехи, верили особенно сильно. А спавший на полу пьяный бывший зоотехник Полушкинас вообще когда-то был католиком и тайком ездил из своего совхоза к исповеди, еле нашел храм где-то в районе Кировской...

Но надо учесть, что люди они все были простые, как правильно верить, не знали, поэтому попали все вместе просто туда, куда хотели.

Там Насрулло снова стал работать инспектором в районном отделе народного образования.

Там один Магомет пошел сборщиком на свой завод строительного оборудования, а другой — товароведом в свой магазин «Лаки, краски, хозтовары», и больше они уже не видались никогда.

Там Роберту Месроповичу светит статья за частное предпринимательство, Илья сидит в глухом отказе, а Реваз, Руслан, Аслан, Рамазан и еще один мужчина сидят на корточках у стены городской автобусной станции — просто так, через час придет автобус из областного центра, все уважаемые люди пойдут в хинкальную кушать.

Там Татьяна Ивановна служит сестрой-хозяйкой в профилактории райисполкома, Нина работает старшей пионервожатой, а Лида учится в десятом и гуляет с другом брата.

Там зоотехник Полушкинас рискует строгим партийным выговором, пробираясь от Кировской по переулкам к исповеди.

Там Владимир воюет в десанте, и наколка «Кандагар 86» еще свежа на его плече.

Там без крестов осыпается храм,
утром в сельпо завезли пристипому,
дембелю редко, но пишут из дому —
все еще живы,
хотя уже там...

В сущности, ничего такого особенного, мистического или даже просто фантастического в этом рассказе нет.

Маршрутки, должен я вам сказать, бьются все время.

А страну — ту, большую, которой нет и никогда уже не будет, — очень жалко. Райкомов и даже районо не жалко, а страны не хватает. Это же надо! Все у нас не как у людей, у всех жизнь после смерти еще впереди, а у нас уже прошла.

Другое дело, рай то был или ад, тут мнения расходятся. По этому вопросу у нас нет общественного согласия и примирения, консенсуса нет, товарищи.

Да никогда, скорей всего, и не будет. Поскольку не любим мы друг друга, ни ближнего своего, единокровного, ни дальнего, приезжего — никого.

В общем, господа, все это чрезвычайно огорчительно. И если кто хочет в этом месте прослезиться, то и автор с ним. Где нет ни болезни, ни печали, ни вздоха...

Грустно. Исчез СССР! То ли рай, то ли ад. Какой-то безнадегой отдает — ну а поезди-ка в подмосковных маршрутках, что пришлось делать эстету Кабакову, опрометчиво купившему некогда дом в далеком пригороде.

Конечно, та самая «тусовка», которую он не раз высмеивал, Кабакова не простила. Забежим вперед: даже в некрологах они не уставали упрекать его в измене принципам.

Вот, например, Глеб Шульпяков: «То, что в последние годы он как-то изменился во взглядах, я не знал, да и не поверил бы. Хотя безупречный вкус не панацея, наверное. Но джаз, джаз...»

Татьяна Щербина: «Момент, когда „рамка“ для него изменилась — внезапно он стал писать колонки почти противоположные тому, какие писал до тех пор, произошло это лет десять назад, точнее не скажу, — мне запомнился. Прочитала очередную его колонку — я удивилась, будто автора подменили. Колонка эта оказалась не случайностью, в нем что-то повернулось. Он стал антизападником, антиамериканистом, адептом российской политики, полностью совпав с официальной риторикой. И утверждал, что никогда не был демократом и либералом, а лишь ненавидел коммунистов, которых ныне уже не существует. Номинально, мол, есть такая партия, но дорогие костюмы, которые носят ее лидеры, спасают их от того, чтобы стать „упырями“, как те, советские...»

Напомним: мы привели цитаты из статей, написанных СРАЗУ после смерти Александра Абрамовича. Как-то это мерзковато, господа и дамы!

Ну да что еще и ожидать. А Кабаков ничего другого и не ожидал.

ИДУ НА ГРОЗУ

Надо заметить, что свою позицию, идущую вразрез с упомянутой тусовкой, Кабаков отнюдь не скрывал. Что иной раз оборачивалось прямыми скандалами.

Начать с того, что в 2006 году он написала яркое, даже горячее эссе под говорящим названием «Право на мракобесие». Приведем выразительную цитату.

Не одобряют церковь и мечеть идею проведения гей-парада — диктатура клерикализма. То есть назвать содомский грех грехом — это нарушение прав человека. Заметьте, не запретить демонстрацию непристойно ряженных, поскольку запретить священники никому и ничего не могут, а лишь высказать мнение о ней... И поносят не отдельных служителей, а целые религиозные институты последними выражениями — это свобода слова. А в результате — вопреки намерениям традиционалистов и в интересах подавляющего любое сопротивление меньшинства — тема делается чрезвычайно популярной, говорят о гей-параде и те, кто «гей» до недавнего времени понимал исключительно как древнеславянский клич. Пиар торжествует вполне в духе известного гомофобского анекдота о «голубом», мечтавшем стать форвардом и промахнуться по воротам в решающем матче чемпионата.

И все в том же духе. Что характерно: Кабаков заявил, что это его эссе «Право на мракобесие» опубликовали в Интернете и бумажных СМИ на Западе, но не в России. Потому что в российских СМИ работают в основном либералы. В итоге оно было опубликовано проправительственным РИА «Новости». Сейчас доступно в сети. Хороший образец боевой публицистики в защиту традиционных ценностей, о которых так много говорят у нас сегодня.

А через год, в 2007-м, на Международной конференции, посвященной памяти Александра Меня, Кабаков открыто и нелюбезно, что называется, с высокой трибуны обрушился на легализацию пресловутого западного образа жизни (о неприятии которого он не раз говорил, как мы показали). Он повторил, развернув, тезисы своего скандального эссе. И конкретно — досталось находившейся тут же Улицкой, пытавшейся защитить книжки, посвященные сексуальному воспитанию детей в духе сексуальной толерантности...

Было дело так. Кабакова попросили высказать мнение о детских книгах с рассказами о гомосексуальных браках. Образцы были выложены на трибуну. «Ну-ну, Люся...» — произнес Кабаков. И тут микрофон взяла Улицкая и пояснила, что курирует этот проект развития толерантности.

— Книги не призывают мальчиков жениться друг на друге, они призывают не бить других в подворотнях, — заявила писательница, заверив аудиторию, что сама она к сексменьшинствам не принадлежит. — Но раз это явление есть, дети должны о нем знать.

— А садомазохизм тоже есть. О нем тоже дети должны знать? — осведомился Кабаков и заключил: — Не обо всем дети должны узнавать, пока они дети.

Прав? Характерен заголовок «Известий»: «Писатель Кабаков защитил „право на мракобесие“».

По рядам либеральных бойцов прошло рыдание. Такого удара от своих они не ожидали! И Кабаков получил ответ на свое вопиющее поведение. Сначала аккуратный. Вот что писал «Ежедневный журнал»: «Может, уважаемый Александр Абрамович, будем лучше защищать не мракобесие, которого вокруг достаточно, а трезвость ума и бодрость духа, которых нам всем ох как не хватает?» Дальше больше. Боевой интернет-орган секс-меньшинств «Квир» (был, прости Господи, тогда и такой) напомнил, что «в последние годы Александр Кабаков регулярно выступает с публикациями, осуждающими гомосексуальность. Их распространяет РИА „Новости“, при этом в последнее время Кабаков не стесняется подписывать их как сотрудник ИД „Коммерсантъ“, который принято относить как раз к либеральному крылу, а именно его в эссе „Право на мракобесие“ критикует автор. Напомним, что в 2005 году борьбу гомосексуалов за свои права господин Кабаков назвал „гей-атакой“, перед которой смирился почти весь мир». Ну типа наябедничал «Квир» на Кабакова его коммерсантовскому начальству. Ну и так далее.

Однако это были еще цветочки. Как бы пожурили все еще своего, но по странному капризу отклонившегося в сторону. Однако запомнили, взяли на карандаш, а кое-кто из более дальновидных поспешил от него отстраниться. Настоящий вой поднялся, когда Кабаков опубликовал в четвертом номере журнала «Знамя» за 2014 год эссе «Частное слово». Получил за него премию журнала и на вручении премии сказал речь... Вот тут началось.

Сначала об эссе и речи. В общем, ничего принципиально нового для себя Кабаков там не сказал. Суть в деталях. Обругал геев, точнее, всю «движуху» вокруг них, глобализм, ненависть к Церкви, любовь к разного рода медиа — и идейным, суррогатам, актуальное искусство... Но главное вот что. Сказал о так называемой оппозиции. Не называя даже имен. Ну тут вообще — покусился на еще более святое для либералов, чем даже геи!

Сто раз говорил, гордясь афоризмом: никто не может примирить меня с властью, кроме ее противников, и никто не может вызвать к ней такого отвращения, как ее сторонники. Нет, все же кратко аргументирую. Вот мне говорят: не суди о Болотной по тем, кто был на помосте, зато толпа была чудесная, мирная и интеллигентная. Ну, согласен. Там, в толпе, были почти все мои друзья. Но они мне так и не объяснили, почему на эстраде их представляли те, кто представлял — воздержусь от перечисления имен и поименных характеристик, не в моих правилах, да их и так все знают. Это совесть нации, ее мозг и прочее? Ленин, конечно, был сволочь и интеллигенцию обидел из своих, бандитских соображений. Конечно, хамство. Но что такая интеллигенция есть национальный мозг... Стыдно, но с этим мне тоже согласиться трудно.

Кто ж не помнит огненный афоризм Ильича про интеллигенцию — г... нации! Уел, уел «светлоликих» Александр Абрамович. Но ведь и власть он, казалось бы, не пощадил (особенно по нынешним временам), вспомнив мандельштамовское «власть от-

вратительна, как руки брадобрея». Мы много раз уже говорили, что связывать себя узами какого бы то ни было лоялизма он не собирался.

Однако «креативным» ниспровергателям власти досталось от него куда больше:

У меня один риторический вопрос: почему те, кто теперь клеймит нынешнюю власть, предыдущую — в смысле, советскую — не клеймили публично? По возрасту могли бы успеть... Я о бывших тогда комсоргами и ставших теперь совестливыми вольнодумцами здесь не говорю, у меня вопрос к приличным людям. Единственным автором откровенной и прямолинейной, «встойной» и подпадающей под статью антисоветчины был тогда в нашей, теперь поголовно «болотной» компании, извините за нескромность, я. И я их не сужу, что они тогда не перли на баррикады с наружной стороны. Но каким-то не вполне героическим вижу я их теперешний самозабвенный протест. А для меня личные мотивы важнее, чем общественные.

Далее автор задает себе самый важный вопрос: а зачем он это вообще пишет? А вот зачем:

...чтобы окончательно выяснить отношения. В той компании, в которой прошла жизнь, мне комфортно по-человечески, но уже просто невозможно высказываться на почти любую тему: разошлись. В противоположной — вообще тошнит, да в ней никто и не ждет меня, замаранного давней репутацией либерала и пятым пунктом. Ну, так вот: я объявляю, кто я. Не то чтобы не могу молчать, но больше не хочу. Вот он я. Кто не пожелает после этого знаясь — ну, увы. А кто сам такой, только сказать стесняется, — прошу в компанию отщепенцев. В много раз упомянутом выше сообществе это называется coming out — выход из тени.

...В общем, считайте сказанное просто частным мнением. Впрочем, и вся жизнь — частное дело.

Красиво изложил. И что честно до доньшка — сомнений нет. Не напрашиваясь в перебежчики — там, среди условных «патриотов», «тошнит». Ну, зато правда. Своим он «там» не стал. Хотя те, кто смотрит глубже, как раз чужим его не считали — тот же упомянутый выше Захар Прилепин, которого Кабаков поругивал, но который его все равно ценил и любил по-человечески.

Ну а речь-то пресловутая при вручении вообще была общепримирающей на первый взгляд. Или нет? Судите сами. Приведем этот важный документ — не просто важный для понимания позиции и жизни Кабакова, но важный для понимания времени — полностью:

All you need is love — это песня The Beatles.

Они часто не совпадали со своими стихами, но стихи были хороши сами по себе. Так бывает с поэтами и стихами.

Увы, наш рок не любит любовь. Русский рок любит борьбу. В борьбе побеждает не всегда сильнейший, но всегда злейший — если такого русского слова нет, это ошибка, оно необходимо.

С того времени, как я написал маленькое эссе «Частное слово» — вернее, издал очередной вопль отчаяния и отвращения, вопреки зароку не вмешиваться в текущую дискуссию — прошел год. Стало ясно, что я радикально ошибался в оценках: дела обстоят не так плохо, как я думал, а гораздо хуже. За год я почувствовал,

что такое быть отщепенцем не при коммунистической власти (это я знал с детства), а среди свободных людей. Люди, утверждающие, что любят свободу больше всего на свете, могут простить себе подобным многое — не слишком щепетильные отношения с деньгами вплоть до воровства, дурные манеры вплоть до хамства, неразборчивость в знакомствах вплоть до рукопожатия с заведомым подонком... Но другого, чем у них, представления о свободе они не прощают никому и никогда.

Те мои заметки были опубликованы, когда гражданская война в соседнем государстве, странная война, в которой стороны связаны торговыми отношениями, а танки заправляются горючим, которое поставляет противник, война, беспощадная к мирным людям и обходящая убийц, только начиналась... И только начиналась оправдываемая ею травля России всем некогда христианским миром... И гуманнейшие интеллектуалы вместе с благороднейшими политиками еще не обсуждали открытым текстом, как бы принести максимальный вред стране, где мы с вами живем и гражданами которой — многие формально, но все же — являемся... И хлопцы с сомнительными эмблемами на рукавах и касках еще не превратили в руины шахтерский край, и тамошние старики еще получали пенсии, а не умирали от голода и холода... Но уже были предчувствия, а с такими предчувствиями в порядочном обществе не место. Рынок все устроит, говорили мне, либерализм универсален, а патриотизм архаичен и постыден для культурного человека.

И до боины, устроенной в похабном журнальчике обезумевшими дикарями, еще было далеко. Хотя вообще-то ее следовало предвидеть: схватка между бессовестными провокаторами и оголтелыми параноиками не могла обойтись без крови. Миллионное шествие с президентами во главе недвусмысленно продемонстрировало: сочувствие современного общества на стороне того, кто плюет в лицо оппоненту или измывается над изображением его отца. Свобода слова есть свобода оскорблений. Нагадить в алтаре — художественный акт, гонорар за это в виде пощечины — почти терроризм.

За этот год я окончательно утвердился в том, что знал давно: ни с кем и ни о чем нельзя договориться словами. Можно только заставить — силой или любовью. Силой многие — и я в том числе — не хотят, да и не могут. Остается любовь. Причем одной твоей любви мало — нужна взаимная, встречная. Значит, надо научиться ее вызывать. Это хлопотно, мучительно, почти невозможно. Но если бы мы хотя бы пытались! Если бы старались... Вызвать любовь тех, кто не хочет нас любить — в этом чистый прагматический расчет: можно было бы достичь своих целей без единого выстрела. Стекла были бы целы в окнах, мальчишке дошкольных лет не оторвало бы обе ноги, и ажана не увезли бы с обычного дежурства в морг...

Есть целая наука возбуждать любовь. Прямолинейные, как штыковые лопаты, принципиальные, как начинающие инквизиторы, борцы называют ее лицемерием. А это просто готовность любить. Или хотя бы притворяться, что любишь.

Неискренняя любовь лучше искренней ненависти.

Все, что вам нужно, это любовь. Здорово сформулировал тот парень в нелепых круглых очках. А его убили.

Проблема не в том, что мы не умеем любить, а в том, что не хотим учиться. Гранатомет устроен проще любви.

Не речь, а стихи. Ни убавить, ни прибавить. Абстрактный, понимаете ли, гуманизм, столь ненавидимый большевиками. Ну с чем тут вроде бы спорить? А вот с чем: с тем, что нельзя делить людей на «наших» и «не наших» по признаку прогрессизма, соответствия модным идеям. Как так? Нельзя искать и видеть врагов в инакомыслящих? Всех любить?! И простолюдинов, и «совков». Да, отвечает Кабаков. Нет — возражают ему.

Думаем, задело либеральную тусовку и то, что премию вручал глава Совета по внешней и оборонной политике Сергей Караганов. И речь его тоже задела «продвинутых».

Александр Абрамович Кабаков — выдающийся русский писатель. Прекрасно пишущий на русском языке. Уже этим он заслужил любые премии за воспитание патриотизма. Русский язык и литература — самое важное, чем мы с Вами можем гордиться.

Предлагая вручить Александру Абрамовичу премию за патриотизм, хотел бы обратить Ваше внимание на то, что он показал еще одну замечательную сторону русского национального характера, которым мы, русские, тоже можем гордиться — захватскую гусарскую храбрость.

В тексте эссе он бросил вызов мнениям, доминирующим в его социальном кругу. Что вызовет, а он это знал, повсеместно шипение. Лавров властвующего думами на этом поприще не сыщешь. Власть предрержащие его точно не отметят.

Поэтому эта премия для сохранения русского языка. И отважного и немного безрассудного русского характера. За сохранение одной из великих русских ценностей — стремления к правде. Это эссе — не «частное слово», а честное слово Кабакова.

«Бросил вызов мнениям»... Ну как в воду глядел. Кабакова обвинили в том и этом, и даже, ни много ни мало, в фашизме!

Еще раз вспомним ахматовское: «Я была тогда с моим народом...»

В одну секунду Кабаков попал в разряд нерукопожатных.

Думаю, он все же не ожидал такого единодушия от таких просветленных «свободномыслящих».

И поэтому через год сказал в интервью, не без горечи — хоть и гордясь, как обычно, произведенным эффектом: «После моей речи в „Знамени“ при вручении премии Сергей Караганов написал про меня, что я не просто смелый человек, а по-гусарски смелый! А всего-то я сказал, что на Украине идет гражданская война, в которую всегда вмешиваются все кому не лень. Уж тем более соседи. Представляешь, если бы одни мексиканские штаты пошли войной на другие, а американцы сидели бы и смотрели. А?.. Мракобес я, да. И русский империалист...»

КОММЕНТИРУЕТ ЕВГЕНИЙ ПОПОВ

«Мракобес и империалист». Таким его и запомним?

Нет, все-таки запомним как одного из самых оригинальных прозаиков перестройки и постперестройки. Постшестидесятника, который опоздал к «оттепельному» разбору, как и многие литераторы его поколения. Но не использовал данный ему Богом талант, чтобы податься в диссиденты или построить советскую карьеру. И это решение само по себе было мудрым. Потому что советская власть вскоре кончилась, а жизнь продолжалась, продолжилась, продолжается и будет продолжаться вечно при любой власти.

В странное, ИСЧЕРПАННОЕ время мы живем. Ведь Россия за полтора последних века исчерпала практически все: царя, недоделанный капитализм, Ленина, Троцкого, Сталина и других коммунистических оглоедов, Горбачева с его «больше социализма», снова недоделанный капитализм, ваучерную «прихватизацию» и так далее.

Поневоле вспомнишь неплохие стихи Евтушенко:

Коммунизм потерял почти все
и так надоел всем на свете.
Капитализм захватил почти все
и тоже всем надоел...
Дети, придумайте что-нибудь третье,

чтобы мир, заскучав,
окончательно не одурел.

Вот каждый себе и придумывает, пока это можно, и за это уже не сажают.

Вот и развелось огромное количество случайных: философов, поэтов, художников, вроде модернистов с Арбата, вдохновленных работами знаменитого Эрика Булатова и однофамильца нашего героя Ильи Кабакова, действительно создавших в искусстве что-то новое. И резонно ставших самыми дорогими из современных русских художников, стоимость работ которых исчисляется цифрами с огромным количеством нулей. «Зачем так париться и три года работать, как Эрик Булатов, над картиной „СЛАВА КПСС“ (море, огненный лозунг на небесах)? Не проще ли купить холст, подрамник, немного дешевой краски. Накорябать на холсте „ДОЛОЙ КОММУНЯК“ и втюхать все это заезжему иностранцу за червонец зеленых американских денег. Пока за это уже не сажают».

Судите сами, каков был тогда рейтинг Кабакова, если журнал «Форбс», читательская аудитория которого составляет около 6,3 млн человек по всему миру, берет у него интервью, а наш писатель не стесняется заявить «прогрессивной общественности», что он ретроград, мракобес и консерватор. Может, это и называется «момент истины», когда человек уверился, что русские — это не американцы, англичане, индусы или китайцы? Русские — это цивилизация, которую другая цивилизация пытается вытолкнуть из времени и пространства. Как в 1812 году во время нашествия «двунадесяти языков» во главе с Наполеоном, Русско-турецких войн, Крымской войны XIX века, где участвовали Великобритания, Франция, Османская империя, Сардинское королевство и др. Все повторяется. Россия — лакомый кусок, который необходимо схватить для собственного спокойствия и самоутверждения. Да все как-то не получается. Я, Евгений Попов, не политик, не историк, не пропагандист. Я просто люблю свою страну и пытаюсь рассуждать здраво, как это делали Аксенов, Астафьев, Искандер, Шукшин и мой товарищ Кабаков, который и сейчас в моем сердце.

Действительно умный, действительно осторожный, честный писатель, каких сейчас нет. Все что-то тащат в свою идеологическую нору или важно пытаются «пасти народы», над чем смеялись еще Ахматова с Гумилевым. Не надо нас пасти. Мы сами пастыри.

Кабакову не нравятся гримасы и ужимки «новой цивилизации», посягающие на саму сущность человека, но он прекрасно понимает, что время плясать вокруг костра прошло давным-давно. Не позволяйте Интернету нагнать и управлять миром. Тень, знай свое место! Графоман не должен иметь титул писателя! Писатель — от Бога, графоман — от дьявола. Откровенно говоря, Кабаков не типичен. Выдающийся писатель, советский например, обычно начинает блистательно, а заканчивает плохо. Или спивается, или становится бесплодным секретарем Союза писателей СССР, каждый год выдающим производственные романы толщиной в кирпич. У Кабакова все наоборот. Начинал он если и не плохо, то плоховато, зато потом развернулся во всю свою мощь и к концу жизни стал куда значительнее, чем автор легендарного «Невозвращенца». Оказывается, в литературе и так бывает.

К концу жизни... Он почти уже не мог ходить, с трудом поднимался в свой кабинет и, как бывший инженер, задумал и осуществил «перестройку» собственного дома. А именно — оборудовал свой кабинет теперь уже на первом этаже, чтобы не связываться с лестницей, собак и кошек раздал народу, но это ему не помогло. Тремор усиливался, и домашние решили, что ему лучше жить в хоршей, однако не очень до-

рогой богадельне, где он будет лежать, сколько ему влезет, и за ним будут ухаживать. Например, менять памперсы, в чем он уже начал нуждаться в силу все прогрессирующего паркинсонизма.

Задумано — сделано. Я еженедельно навещал его в каком-то далеком подмосковном поселке, на какой-то новорусской вилле с «европейским ремонтом», которую ее сметливые хозяева приспособили под экономически выгодную им богадельню. Все было хорошо за исключением того, что в соседней с кабаковской комнате постоянно завывала какая-то полоумная старуха. Кабаков и сам слегка «поехал». Однажды он вдруг заявил мне:

— Вчера на твоём месте сидел огромный черный кот.

— Ты никак «Мастера и Маргариты» на ночь начитался? — задал я ему разумный вопрос.

Ничего не ответил мне мой друг, и на следующий день его судьба изменилась к лучшему.

Ему отплатили добром за добро. Приблизившиеся к власти его бывшие ученики, которых он вывел в люди, а также властные светлые личности из числа поклонников его писательского и жизненного талантов сумели перевести его в богадельню московскую, чистенькую и номенклатурную, где он и пролежал почти до самого своего конца, нелепо случившегося в апреле 2020 года, когда во всем мире и в Москве бушевал ковид. Семьдесят семь лет ему не успело исполниться.